

ское поле. Славянский хаос бушует в нем»¹, и этим хаосом, этой широтой он подавлен, приучен к неспешности, безынициативности, предпочитает экстенсивные методы развития интенсивным.

Действительно, в менталитете русского народа выделяются не только такие позитивные качества, как патриотизм, коллективизм, бескорыстие и духовность, но и такие негативные, как непрактичность, экстремизм, фетишизация государственной власти и убеждение в необходимости зависимости граждан от нее. Однако, проявляясь сегодня, эти черты русского менталитета идут вразрез с задачами модернизации, диктуемыми современным миром.

Столетие назад Бердяев возлагал надежды на пробуждение в дионисической России аполлонического духа, на раскрытие «мужественного, лично оформляющего начала, овладение собственной национальной стихией»², что позволит России стать по-настоящему самобытной и духовно независимой страной. Культурные архетипы меняются, так что возможно изменение и русского менталитета. Сегодня он трансформируется, но лишь частями, «пятнами», например, в кругах научно-технической интеллигенции, предпринимателей, некоторых групп молодежи, но, зачастую, перемены эти поверхностные, вызванные пресловутым русским стремлением ориентироваться на Запад, а не черпать творческие силы внутри себя. Обращение к изучению своего менталитета, признание и преодоление темных его сторон, осознание себя как русского народа прогрессивной частью населения страны, возможно, и есть путь к столь необходимой духовной интеграции.

Д.В. Пивоваров

КУЛЬТ ИЗБРАННОЙ НАЦИИ РОССИЯН КАК РАЗНОВИДНОСТЬ СОЦИОЦЕНТРИЧЕСКОЙ РЕЛИГИИ

Аннотация. Обсуждается сущность одной из социоцентрических религий, а именно культ избранной нации, который способен сплачивать воедино большинство членов социума. В статье также анализируются интеграционная функция идеи избранности российской нации и основные варианты трактовки русской идеи.

Abstract. The author discusses the essence of one of the socio-cultural religions, namely the cult of a chosen nation, which is able to rally together the majority of the members of the society.

¹ Бердяев Н. А. Судьба России. С. 64.

² Там же. С. 16.

The article also examines the integrative function of the idea of chosenness of the Russian nation and the main options for the interpretation of the Russian idea.

Свойство избранности (сакральной признанности) можно приписать любой малой, либо крупной социальной целостности, каким угодно компонентам общества, начиная с отдельного индивида, если гипертрофировать их творческую ценность и ставить их в центр индивидуальной или общественной жизни. Важнейшую роль в установлении и упрочении единства общества играют те базовые идеалы, идеи и футуристические модели, которые освящаются социоцентрическими (секулярными, «светскими», гражданскими) религиями. К такого рода религиям, абсолютизирующим и сакрализующим какие-нибудь элементы социальной структуры, относятся следующие массовые культы: культы расы, народа, государства, вождя, социального класса, партии, индивида-гения, денег, техники и т. п.¹. Социоцентрические религии либо дополняют и усиливают консолидирующие потенции традиционных космоцентрических религий (например, в царской России культ императора подкреплял культ Бога), либо конфликтуют друг с другом (пример тому – борьба атеистической религии советизма с Русским православием в СССР).

В основание социоцентрической религии положена какая-нибудь конструктивная утопия — иллюзорная мечта о совершенном и бесконфликтном социуме, — реально способная консолидировать общество, мобилизовать народ на великие дела. Как и другие массовые религии, социоцентрические религии возникают с исторической необходимостью и не являются беспочвенными. Они отвечают коллективной потребности в укреплении солидарности членов той или иной социальной общности, основываются на привлекательной иллюзии, на интуиции, на вызывающих доверие представительных фактах и рационально-идеологических доказательствах. Нетрудно увидеть в социоцентрической религии как конструктивные, так и разрушительные тенденции. Сплачивая общность воедино сакральными идеалами, она, как правило, энергично и подчас воинственно противопоставляет эту общность иным социальным группам.

При умозрительном решении проблем живой целостности и ее границ (проблем смысла жизни, добра и зла, национальной идеи и пр.) методы науки и «научной философии» совершенно бессильны. Большие и предельные сверхчувственные целостности (крошечной частью которых является по-

¹ Пивоваров Д. В. Философия религии: в 3 т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2012. Т. 3. С. 167–180.

знающий их мыслитель) традиционно постигаются при помощи приемов религиозно-философской мистики, субъективных иллюзий «внетелесности» и «воспарения над сверхчувственным целым», либо на основе феноменологического концептуализма П. Абеляра, Дж. Локка, Э. Гуссерля. Чтобы почитание избранного социального объекта превратилось в социоцентрический культ, оно должно обрести достаточно массовый и устойчивый характер, подкрепиться специальной идеологией и организацией. Это почитание поддерживается особым репрессивным аппаратом, регламентированными обрядами, системой «своих» и «враждебных» символов. Важную роль в идеологическом обеспечении священной национальной идеи играет ее наглядно-геометрическая символизация.

Многие народы и нации формировали в те или иные периоды своей истории священные представления о собственной исключительности, свою национальную идею, которая питает их патриотизм. Психологически и геометрически это оправданно: каждый смотрит на окружающий мир из себя как из центра. Любая точка внутри беспредельной сферы может быть принята за центр этой сферы. Национальная идея помогает формулировать смысложизненные цели, сохранять целостность страны, направлять процессы воспитания граждан и участвовать в межкультурной коммуникации. В.С. Соловьев полагал, что идея нации есть не то, что нация думает о себе во времени, но то, что Бог думает о ней в вечности и определяет ее место среди других народов. Некоторые философы доказывают, что термин «национальная идея» был изобретен для переименования понятия «душа народа» (либо «дух народа»). Постмодернисты же оценивают понятие национальной идеи как симулякр, т. е. как «копию без оригинала» (Ж. Бодрийяр), усматривая в ней особый рекламный имидж, не обеспеченный никаким реальным содержанием.

По-видимому, приписывание любой нации каких-нибудь однозначно определяемых «вечных» атрибутов – это либо невольное впадение в курьёзное идеологическое заблуждение, либо опасный социально-психологический синдром навязчивой идеи. Вместе с тем, было бы неправильно, вслед за некоторыми богословами, уничижать социоцентрические религии как примитивное язычество, именовать их, явно и безусловно, ошибочными и ожидать, будто они легко распадутся под напором мудрой просветительской критики.

Если адепт какой-нибудь социоцентрической религии свято верит в ее соблазнительные проекты и сосредоточивается в первую очередь на духов-

ном, а не на материальном полюсе своего мироотношения, то такая искренняя вера вполне заслуживает уважения, как того и требует, например, российский Закон о свободе совести. В конце концов, любовь к Родине, патриотизм – это тоже своего рода социоцентрическая религия. Хотя она прямо не поощряется в Писаниях монотеистов, тем не менее, в ряде космоцентрических Преданий отношение к патриотизму вполне положительное. Культ предков косвенно поддерживается одной из десяти заповедей иудеев, христиан и мусульман – требованием почитать своих родителей, свой род.

Вот как, например, возникает философско-религиозная идея избранной нации. Допустим, в коллективном сознании значительной части россиян наша страна предстает такой открытой иным народам и нациям срединной целостностью (соединяющей два континента – Азию и Европу), которая вбирает в себя культурные противоположности (инаковости) всех западных и восточных соседей. За время своего существования Русь испытала на себе сильное культурное влияние варягов, греков, хазар и половцев, Орды, поляков и литовцев, голландцев, шведов, немцев, французов, англичан, американцев и др. В самосознании россиян возникает картина слияния, переплавки и гармонизации этих противоположностей в громадном евразийском тигле.

Результат наглядного синтеза – воображаемое избавление от односторонностей западных и восточных культур и вывод о естественном праве России на мировое лидерство. России должно быть дело до всего, что происходит в других странах, в каждой восточной и западной точке, до всего на свете. В этом смысле российская культура, по сути, космополитична (она объединяет на гигантской территории множество этносов и более 60 языков) и отмечена знаком мессианства. Согласно Новому Завету «последние станут первыми», и в этом смысле «отсталость России» есть верный признак ее будущего мирового первенства (П. Я. Чаадаев).

А. П. Петров оценивает мессианство как мироощущение, признающее бытийственную ущербность мира и одновременно наличие в нем онтологического потенциала к его изменению, достаточно одномоментному. Такой потенциал отождествляется с Мессией. Один из атрибутов мессианства – ощущение втянутости в трансцендентное и абсолютное, переживание каждого момента жизни как последнего, чувство постоянного «бытия на грани». Знаком мессианства отмечены все исторические периоды Руси: Киевская Русь, Московская Русь, Петербургская имперская Россия и Советская Россия. Русское мессианство

есть такое миропонимание, согласно которому именно русский народ есть Мессия, спасающий мир. Русское мессианство является результатом максималистского осмысления исторической роли Руси по христианской модели¹.

С громадностью России сопряжена склонность россиян к масштабности мышления, к размышлениям о бесконечном, вечном и духовном; при этом ослаблено внимание к детализации и кропотливой проработке злободневных проектов. Идея российской нации едина, многомерна и противоречива; в ней конфликтуют реальное и утопическое, сакрально-религиозное и мирское, эволюционное и эсхатологическое. Одни авторы пытаются разглядеть ее в логике российской истории, другие – в геополитическом положении России и реальной роли русского народа в судьбах человечества, третьи – в сфере российских мечтаний и мифов о будущем. Многие авторы отмечают, что именно особенности геополитического посредничества обуславливают такие бинарные оппозиции в менталитете россиян, как индивидуализм – коллективизм, смирение – бунт, природная стихийность – монашеский аскетизм, тяга к сильной государственности – анархическая вольность, атеизм – монотеизм, великодержавность – мессианский универсализм, западничество – славянофильство.

Ф. М. Достоевский считал, что русская идея когда-нибудь станет синтезом всех национальных идей европейских стран, и трактовал ее как способность к всемирной отзывчивости и всечеловечности русского народа. В своей статье «Русская идея» (1888) В. С. Соловьев связал эту идею с монотеизмом, мессианизмом, государственностью, внутренней правдивостью, вселенским братством, жертвенностью своим ради других народов; он раскрывал идеал Святой Руси как воспитание в русском человеке чувства священного благоговения перед родной землей, а также толерантности ко всем людям и народам. Н. А. Бердяев в произведении «Русская идея» (1946) особо отметил такие моменты русской идеи, как соборность, всеединство, космизм, антропологизм, сострадательность, коммунитарность, эсхатологичность.

Г. П. Федотов описывал современное русское начало как столкновение революции и традиции. По Л. П. Карсавину, русская идея нагружена целью оптимально добиваться всеединства и бессмертия человечества; в такой трактовке философски преодолевается противоречие между космополитическим принципом христианства и националистическими следствиями из верования об избранном русском народе как ядре российской нации. Отмечают и

¹ Петров А. П. Мессианство русской культуры. Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999.

такие аспекты русской идеи, как почвенность и максимализм. И. А. Ильин подчеркивал энергичный, волевой и творческий характер русской идеи. Космизм и диалектику положительного всеединства В. К. Бакшутлов считает наиболее важными особенностями русской идеи¹.

Роль России как посредника-щита в конфликтах между Востоком и Западом вела к тому, что в ней государственная власть устремлялась к тоталитаризму и отчуждалась от гражданского общества; народу приходится мириться с деспотизмом власти и жестким изъятием прибавочного продукта. По словам М. Ю. Лермонтова, Россия – это «страна рабов, страна господ». «Такое положение, – пишет Е. В. Сидорова, – привело к формированию отношения к труду как не дающему материального достатка и к привычке к тому, что результат труда будет отнят государством. Религиозная установка на “ненакопление сокровищ” была дополнена представлением о бессмысленности обогащения и верой в патерналистическое предназначение политической власти»². В. И. Даль заметил, что «русский крепок на трех сваях: авось, небось, да как-нибудь».

Спор славянофилов и западников, возобновляющийся в новых формах в наше время, есть внутренний социоцентрически-религиозный спор о сакральном ядре и стратегии развития русской культуры, о путях спасения России и человечества. И славянофильство, и западничество представляют собой различные формы проявления русского патриотизма, причем в равной степени. Различие между ними заключается в расхождении ответов на три вопроса:

1. Если русская культура уже полностью сформировалась, а если да, то не требует ли она охраны от дестабилизирующих влияний иноземных культур Запада и Востока и стояния на своей почве («почвенничество»)?

2. Оформилась ли русская культура до конца, либо ее существо в ближайшее время выявится?

3. Не в том ли уникальность русской культуры, что она всегда пребывает только в форме процесса освоения и гармонизации всех иных культур – культур народов, живущих внутри России, и культур иноземных?

В любом варианте ответа русскому народу будут приписаны свойства универсальности, всеединства и превосходства. Согласно этой точке зрения, российская нация превосходит народы и нации Запада потому, что в ее куль-

¹ Бакшутлов В. К. Русский вопрос: Философские очерки и диалоги. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 306.

² Сидорова Е. А. Трудовые ценности и установки в менталитете русского народа : автореф. канд. дис. Ростов-на-Дону: Ростов. ун-т, 2007. С.10.

туре сконцентрированы не только лучшие черты западных культур, но есть также «эссенция» Востока. По той же причине она превосходит и восточные народы. Отсюда вытекает ее всечеловечность, способность воплощать в себе сущность родового человека.

Если отрицательно ответить на первый вопрос и дать положительные ответы на второй и третий вопросы, тогда надо идти дальше и спросить, чего же на сегодняшний день, прежде всего, не хватает для внутреннего баланса российской культуры: восточного или западного влияния?

Итак, трем вопросам отвечают три конкурирующие модели:

1. Идти своим путем «почвенника», не оглядываясь ни на Запад, ни на Восток и при особой нужде вообще ограждать себя от них «железным занавесом» (это мы уже «проходили» в эпоху сталинизма);

2. Сегодня преимущественно нужна западная политика, ибо «азиатского» у нас уже через край;

3. Следует повернуться лицом к Востоку, поскольку мы уже пресытились западной бездуховностью, техницизмом и расчетливостью.

Привлекательность того или иного ответа имеет историческую обусловленность, в разные периоды нашей истории политически и идеологически верх брала одна из этих трех моделей. Политическая история России свидетельствует: сменяется очередной самодержец, изменяется и геополитический вектор деятельности государства. Но противодействие, как известно, равно действию: официальному правительству противостоит «теневой кабинет», а взявшие верх «западники» обвиняются «славянофилами» в непатриотизме (и наоборот).

Будучи политически признанным и сакрализированным массовым сознанием россиян, тот или иной мистико-геометрический идеал устойчив в отношении рационалистической критики и обуславливает исторический зигзаг нашего культурного развития. Выходит, национальная идея россиян по-своему реалистична. К тому же, в своей общей форме она достаточно понятна и наглядна. Вместе с тем, более определенные и однозначные формулировки русской идеи никогда не получали всенародного признания.

Российская идея антиномична, а антиномия на то и антиномия, что к обеим ее сторонам поневоле испытываешь одинаковое доверие. Н. А. Бердяев в трактате «Русская идея» наделил русскую идею эсхатологическим измерением и верил, что ее проявление будет усиливаться по мере завершения всемирной истории и приближения Царства Небесного. В социальном аспекте

русскую идею, как правило, сближают с «соборностью», в государственном – с формулой С. С. Уварова «Православие. Самодержавие. Народность», а в юридическом – с массовым представлением не о верховенстве закона, а о верховенстве властей.

Русские неоязычники, отвергая тезис РПЦ об исконно христианской сущности русской идеи, утверждают, что «вся смысловая и календарно-обрядовая стороны православного богослужения целиком построены на иудейской философии, истории и мыслеобразах» (Д. Юрьев). Одно из доказательств тому — хрестоматийный пример обращения священнослужителя к супружеской паре в ходе православного обряда венчания: «Возвеличься, жених, как Авраам, благословись, как Исаак, и умножись как Иаков. <...> И ты, невеста, возвеличься как Сарра, возвеселись как Ревекка, и умножись, как Рахиль».

В истории России были две самые мощные сакрализованные интернациональные идеи, которые способствовали перманентному географическому расширению империи: 1) православная идея Святой Руси как Третьего Рима; 2) марксистско-ленинская идея строительства великим советским народом коммунистического царства трудящихся на Земле. Других идей, равных по величию православной и коммунистической идеям, в нашем отечестве пока не появилось (правда, некоторые авторы предлагают объединить обе эти идеи в некую синтетическую идею «православного коммунизма»).

С.В. Рязанова

ИЗМЕНЕНИЕ КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ИДЕНТИЧНОСТЕЙ В ПОЛИЭТНИЧНЫХ РЕГИОНАХ: ОПЫТ СОВМЕСТНОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена особенностям конфессиональной ситуации в Пермском крае. Анализируется многообразие существующих верований (традиционных и нетрадиционных) в их связи с идеей единого социокультурного пространства. Указываются наиболее важные вопросы во взаимоотношении религиозных общин. Определяются факторы формирования современной индивидуальной религиозности.

Abstract. Article is devoted to features of a confessional situation in Perm Krai. The variety of existing beliefs (traditional and nonconventional) in their communication with idea of uniform socio-cultural space is analyzed. The most important questions in relationship of religious communities are specified. The factors of modern individual religiosity formation are defined.